

10 февраля — День памяти А. С. Пушкина.

Принято считать (да так оно и есть), что у каждого из нас свой Пушкин. Свой Пушкин и у гостей сегодняшней страницы — писателя Валентина Берестова, актрисы Кристины Орбакайте, дулевских мастеров.

Валентин БЕРЕСТОВ:

Взгл. клуб - 1998 - 5 февр. - 97.

В мире есть один-единственный поэт

ФОТО ИТАР-ТАСС.

Валентин Берестов известен как поэт, переводчик, сценарист научно-популярных фильмов. А теперь он входит в историю словесности еще и как первооткрыватель детства Пушкина.

— Ваша «Ранняя любовь Пушкина», опровергающая устоявшееся суждение о поэте как «человеке без детства», не имеет аналогов в пушкиноведении. Что послужило толчком для этой работы?

— Меня чрезвычайно заинтересовала философия детства, которую вывел для себя Пушкин. Ребенок, полагал Александр Сергеевич, рождается счастливым. Главное впечатление младенца — счастье. «Две-три весны, младенцем, может быть, // Я счастлив был, не понимая счастья; // Они прошли, но можно ль их забыть» — так писал Пушкин в послании «Князю А. М. Горчакову». Пушкинские «две-три весны» — это возраст от двух до пяти. Именно в этом возрасте, как доказал Корней Иванович Чуковский, все дети — гениальные исследователи языка и поклонники поэзии.

— Вы помните, с какого произведения началось ваше знакомство с Пушкиным? — Со сказок с рисунками Ивана Яковлевича Билибина в старом издании. Это была

первая книга, которую я прочел сам, в четыре года. Я был поражен, без конца повторял эти стихи. Чуть позже сильнейшее впечатление произвела проза. Особенно «Дубровский» и «Капитанская дочка». А потом, тоже до школы, полюбил «Барышню-крестьянку». Еще и потому, что главный герой повести тоже Берестов. Затем — «Арап Петра Великого», «Песнь о вещем Олеге»... А одними из первых любимейших стихотворений — они особенно хороши для детского ума — стали «Дели-баш» и «Вурдалак» из «Песен черт»... А одними из первых любимых стихотворений — они особенно хороши для детского ума — стали «Дели-баш» и «Вурдалак» из «Песен черт»... А одними из первых любимых стихотворений — они особенно хороши для детского ума — стали «Дели-баш» и «Вурдалак» из «Песен черт»...

— Вы ей парировали?

— Да нет, мне было очень совестно за нее. Я смутился...

— Если взять распространенную формулу «мой Пушкин», то для вас это?

— Конечно, «Евгений Онегин», моя самая большая любовь.

— Вы сказали однажды, что занялись пушкинистикой, чтобы понять, почему Пушкин так хорошо пишет. И что же?

— У Пушкина был удивительный ум — цепкий, схватывающий основу основ. В воспоминаниях Макарова есть такой эпизод. В доме знакомых родителей Пушкина Бутурлиных поэт-морячок декламирует: «И этот кортик, // И этот чертик!» Малыш рассмеялся. Одним движением бровей Надежда Осиповна выдворила сына из комнаты. А гувернер Бутурлиных ученый француз Жилле пожал ему руку: «Чудное дитя! Как он рано начал все понимать!» Вот ключ к детству Пушкина... Поражительные способности объясняют и «катастрофически быстрое», по выражению Юрия Николаевича Тынянова, развитие его таланта. Поэт отказывал во взрослости многим своим современникам. Помните в «Евгении Онегине»: «Среди лукавых, малодушных, шальных, балованных детей...» Кстати, то же чувство было у Лермонтова, ощущавшего

себя взрослым человеком в дурачком, ребячливом, с его точки зрения, мире. Он и погиб, потому что отклика в нем почти не находил. «Ужасно стариком быть без седины; // Он равных не находит...» Или: «Я предузнал мой жребий, мой конец, // И грусти ранняя на мне печать; // И как я мучусь, знает лишь Творец; // Но равнодушный мир не должен знать...» Толстой потом сказал: если бы Лермонтов прожил подольше, русской литературе не надо было бы ни его, Толстого, ни Достоевского. А перед Пушкиным Лермонтов благоговел всю жизнь, еще ребенком переписывал в альбом его поэмы. — Первые стихи Пушкин писал на французском. В лицее у него даже было прозвище Француз. Тем не менее именно он стал родоначальником русского литературного языка. Парадокс?

— Ничуть нет, закономерность. Школа французского языка была очень важна для Пушкина. Кстати, Французом его прозвали в 1812 году, во время нашествия Наполеона, так что это прозвище, думаю, его задевало. Будучи от природы наделенным невероятно тонким языковым слухом, а кроме того, чувством юмора, Пушкин, конечно же, не мог не замечать несовершенства строя родного книжного языка. Помните «Памятник» Державина? «Так! — весь я не умру; но часть моя большая / От тлена убежав, по смерти станет жить...» Можно представить, как смеялся маленький Пушкин, вообразив эту убегающую «большую часть». Возможно, не меньший смех уже у взрослого Пушкина вызвали строки из «Ответа Гнедичу» Константина Батюшкова: «Твой друг тебе навек отныне // С рукою сердце отдает...» Пушкин занес на полях: «Батюшков женился на Гнедиче».

Хотя и сам Пушкин поначалу не избегал неуклюжих выражений. Например, в «Послании к Юдину» «Тебя ли вижу, взором свет, // Друг сердца, милая Сущкова?» попытался переложить на литературный язык не что иное, как «Свет моих очей, мил сердечный друг...» В заметке «О французской словесности» Пушкин писал: «Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! — обычный, история, песни и сказки...» Сравним басни Ивана Андреевича Крылова и Лафонтена, Пушкин отметил, что французам свойственно — *paivete* (просто душие), а русским — «живописный способ выражения и веселое лукавство ума». Соединив национальные свойства двух народов, он стал П у ш к и н ы м.

Кстати, первое стихотворение Пушкина на русском языке, которым теперь открывается его любое собрание сочинений, — «К Наталье» (1813). Он как будто бы так и думал, что женится на Наталье. У настоящего поэта судьба и сюжет завязываются с первых же стихов и развиваются всю его жизнь.

— Валентин Дмитриевич, в ваших «Веселых науках» есть предмет «Пушкиноведение». Довольно-таки едкая миниатюра...

— «Чего не знал великий Пушкин? // Не знал он ни одной частушки, // Не видел ни одной матрешки // В их лакированной одежде. // Березу символом Руси // Не знал он, Боже упаси...» Представление о стране, ее сущности и символах во времена поэта было несколько другим. Постепенно символом Руси стало считаться то, что им вовсе и не было. Береза, например, замечательное дерево. Однако при Пушкине символом Руси она не могла быть по очень простой причине — березой порол. Хотя, может быть, это тоже символ? У народа же символом Руси был ракитов куст. «Ах ты, батюшка, част ракитов куст». Вы видели его в пору цветения? Он чудесен! Причем расцветает по всей России — от степей до тундры — почти одновременно, к маю.

— Почему традиции классической поэзии, развитые Пушкиным и его сподвижниками, затем стали несколько угасать?

— Думаю, в крушении классической поэзии повинны и сами поэты. В борьбе за свои права, за свободу слова они подняли обобщенный образ поэта до высоты пророка, создали из него мифическую фигуру, возвышающуюся над остальными людьми.

— Но разве в этом нет здравого смысла?

— Есть, не спорю. Однако хотелось бы, чтобы сами поэты об этом не говорили. Это нескромно. Помогите, Валентин Катаев в «Траве забвения», а потом и Борис Заходер в своих прекрасных стихах пришли к убеждению: в мире всегда был, есть и будет всего один-единственный Поэт, гений, носящий в разное время разные имена. Подтверждение тому есть в обыкновенном житейском примере. Зачастую, произнося какую-то строчку, даже не помня ее автора, мы говорим: «Как сказал поэт». Кажется, что все лучше, что получается у остальных поэтов, как бы попадает к этому Поэту, как будто это он один все написал.

• Встречалась Елена КОНСТАНТИНОВА.